Белкин С.В. Проблемы "автоназии" инновационного менеджмента / С.В. Белкин, Е.С. Котова // Экономика и управление: актуальные проблемы и тенденции развития : Материалы международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2011. – С. 146-154.

ПРОБЛЕМЫ «АВТОНАЗИИ» ИННОВАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Белкин Сергей Викторович
канд. техн. наук, г. Москва
E-mail: dr_belkin@mail.ru
Котова Елена Стефановна
канд. экон. наук, доцент МГИМО, г. Москва
E-mail: eskotova@rambler.ru

В работе [1] обращалось внимание на возрастающую роль инноваций в сфере социальных услуг, их тесную взаимосвязь с технологическими процессными и продуктовыми инновациями, учитываемую в международных стандартах (новый вариант «Руководства Осло» 2005 года и др.).

Однако при анализе этой взаимосвязи часто вне поля зрения исследователя остаются последствия от инновирования (в частности информационного) социума и государства (особенно негативные) как для развития самих технико-технологических и продуктовых инноваций, так и для субъектов инновационного процесса.

Примеры положительных последствий роли государства широко известны. Так, в Японии в свое время были в разы сокращены сроки амортизации технологического оборудования, что обеспечило для бизнеса прозрачные стимулы для ускоренного технологического обновления. Япония стала лидером в области роботизированных производственных систем, а во многих секторах внедрили так называемые безлюдные комплексы.

Другой пример – США, где оборонное ведомство на рубеже 1960-х гг. приняло решение о формировании принципиально новой архитектуры системы командования и управления, что вылилось в заказ на информационные сети, которые стали прообразом интернета. Под этот заказ была развернута индустрия производства полупроводников, вычислительной техники, систем передачи цифровых данных и программного обеспечения на территории, называемой сегодня Кремниевая долина.

Вместе с тем эти процессы имеют и «обратную» строну медали. Пример – недавний скандал в Германии, связанный с уличением в плагиате и уходом в связи с этим в отставку министра обороны Карла-Теодора цу Гуттенберга. 23 февраля 2011 года университет в Байройте (где глава военного ведомства в 2006 г. с отличием защитил свою диссертацию) принял решение о лишении министра докторской степени за нарушение научных стандартов. Защиты диссертаций могут стать фатальной ошибкой для многих многообещающих отечественных политиков.

Как обстоят дела в России? Почему высшие военные чины мечтаю «стать учеными» или покомандовать ими?

Одной из причин является развитие в стране информационного общества и экономики «основанной на знании». Диссертации нужны военным чиновникам для самоутверждения и создания имиджа. Обладание степенью для человека с массовым сознанием означает

принадлежность к кругу гуру информационной цивилизации и, следовательно, политические перспективы.

В силу подобного рода причин инновационное развитие в России не идет полным ходом. С точки зрения качества государственного управления и реализации национальных приоритетов такие диссертации значат мало (или почти ничего), но отрицательных последствий много, в частности, на российскую высшую школу.

Ученые степени дают формальное право претендовать на замещение должностей профессоров и доцентов, на включение в состав диссертационных советов по защитам кандидатских и докторских диссертаций. А это, в свою очередь, означает, что остепененные квазиученые чиновники и политики начинают влиять на соблюдение образовательных и научных стандартов. По словам представителей научного сообщества Германии, такие как Карл Теодор цу Гуттенберг, подрывают доверие к науке, наносят вред репутации как исследовательской, так и инновационной деятельности, ухудшают рейтинг государственного управления. Под вопрос ставятся внедряемые моральные ценности развиваемого в стране информационного общества и качество формируемого электронного правительства [2].

Отметим, что задача выявления отрицательных последствий от процессов и результатов инновирования российского социума в пилотном проекте «Российский IT-Foresight» (в 2006-2007 годах) даже не ставилась. Но, примечательно, ее актуальность в контексте проблемы «автоназии инноваций» уже в то время не вызывала сомнений. Занимавший тогда пост Министра информационных технологий и связи Л.Д.Рейман отмечал, что «*до сих пор людям, особенно облеченным властью, очень редко удавалось правильно предсказывать будущее. Дай волю политикам, и очень высока будет вероятность того, что перспективное новшество окажется задушенным на корню, тогда как мертворожденное получит полномасштабную государственную поддержку и будет пользоваться ею до тех пор, пока очередная смена власти не приведет к смене приоритетов*» [3, С. 241].

Каковы при решении этих проблем должны быть роли информационного общества и электронного правительства?

Среди ученых, занимающихся проблемами информационного общества, существует фундаментальный раскол на тех, кто считают, что мы имеем дело с принципиально новым типом общества, и тех, кто, придерживается идеи социальной преемственности [4].

Ушедший недавно из жизни Д.Белл считал, что оно является развитием постиндустриального общества (в экономике которого приоритет перешел от преимущественно производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и в котором внедрение нововведений все в большей степени зависит от теоретического знания) с акцентом на производстве информационных услуг и подготовке соответствующих специалистов.

Ряд ученых полагает, что процессы информатизации сформированных отношений еще не означают появления нового общественного уклада. Хотя они и не смогли пока разработать надежного критерия для классификации, зато их концепции, объясняют явление информатизации современного общества в терминах исторической преемственности, позволяют лучше понять роль информации в современном мире.

На наш взгляд, существенный интерес представляет концепция Хабермаса, рассматривающая информационное общество с позиции обеспечения демократического

политического дискурса. По мнению Хабермаса квалиметрической оценке подлежит не сам процесс информатизации, а информатизация нашего ***образа жизни***, длящаяся уже несколько столетий**.**

При решении поставленной проблемы значительный интерес может представлять **концепция общества знаний,** которую в настоящее время продвигает ЮНЕСКО. Эта концепция позиционируется как некая антитеза концепции информационного общества, критикующая её за технократический детерминизм. Линия же, которую провозгласила ЮНЕСКО, заявляя о продвижении концепции общества знаний – это гуманизация процесса глобализации.

Выделяют американскую, азиатскую и финскую модели развития информационного общества [4-5].

По принятым концепциям и утвержденным программам инновации в государственном управлении России имеют целью упрощение получения государственных и муниципальных услуг и доступ граждан к информации о деятельности органов власти.

Предоставление услуг в электронной форме, открытость и доступность информации, машинная переработка все возрастающего объема **знаний** открывают новые возможности по участию граждан в управлении делами государства [6].

К сожалению, понятие «знание» часто интерпретируются лишь как информация, которая является источником и результатом **рациональных логических рассуждений и выводов**.

А в менталитете большинства россиян огромную роль играют **«прочувствованные» знания**, т.е. знания ставшие **убеждениями**. В России реально функционируют рынки и экономика, в большей мере, основанная не на «знаниях», а на «убеждениях». Поэтому при автоматизации взаимодействия гражданин-власть огромное значение имеет его символичность и политический дискурс по критериям результативности, эффективности и качестве государственного управления. Для нашей страны, перефразируя К.Маркса, можно утверждать, что у нас – **экономика убеждений является концентрированным выражением политики.**

Внедрение в России технологий электронного оказания государственных услуг, автоматизирующих общение заявителей услуг с государственными органами, с одной стороны полезно (с позиции уменьшения возможностей для коррупции и произвола, сокращения бюрократических проволочек и т.д.), с другой стороны, может оказать государству «медвежью услугу», формируя его образ как «бездушной машины». Отрицательный оттенок накладывают и феномены «российских Цу Гуттенбергов».

Ориентируясь на критерии результативности и эффективности государственного управления и регулирования, можно повысить доверие граждан к государству за счет реализации принципов справедливого распределения услуг, справедливого распределения затрат и ликвидации цифрового неравенства. Инновационные технологии электронного вовлечения граждан в процессы участия в управлении делами государства позволяют заменить образ «бездушного государственного механизма» на имидж органической самоорганизующейся системы управления модернизацией. Но, эти технологии достаточно сложны, и выдвигают дополнительные требования к компетенциям и менталитету участников такого инновационного взаимодействия.

Стандарты пока не разработаны. Но ясно, что для России они должны быть ориентированы в большей степени на обеспечение (повышение) **качества государственного**

управления и регулирования, **роста доверия** граждан к государству, **справедливому распределению эмоциональной удовлетворенности** от автоматизированного исполнения гражданином роли источника власти (обладающего как рациональными знаниями, так и, что может более важно эмоциональными убеждениями).

Обеспечение автоматизация участия граждан в управлении делами государства, снимающего проблему «автоназии инноваций» требует серьезной научной поддержки, интенсификации прикладных юридических, социологических, политологических, психологических, культурологических и педагогических исследований, особенно для средней и высшей школы.

Необходимо выработать критерии, по которым можно утверждать, что в России формируются необходимые образование и менталитет для усиления положительной роли социальных инноваций в сфере государственных и муниципальных услуг.

По данным Министра образования и науки Андрея Фурсенко в ряде субъектов Российской Федерации показатель обеспеченности образовательных учреждений доступом к сети интернет составляет от 66 до 99 процентов, имеется более 100 тысяч электронных образовательных ресурсов, из них 17 тысяч – интерактивные. Однако эти ресурсы мало востребованы по той причине, что создавались в отсутствие единых стандартов и теперь практически несовместимы между собой. Государство финансирует мероприятия по созданию свободного программного обеспечения (далее – СПО).

Во многих высших учебных заведениях страны используется более десятка автоматизированных информационных систем, каждая из которых отвечает за реализацию определенного участка учебного процесса. Разрозненность этих систем затрудняет быстрое получение полных и достоверных сведений о каждом аспекте работы вуза. В последнее время внедряются аналитические системы для управления качеством образования. Внедряются инновации, связанные с СПО [9], заменяются используемое в учебном процессе проприетарное программное обеспечение. На базе СПО предлагаются различные инструменты для руководства, сотрудников и студентов, контроля научно-исследовательских работ и анализа научных публикаций.

Последний сервис очень актуален. На сайте Росфиннадзора опубликованы результаты проверки того, как министерства и ведомства тратили бюджетные средства на НИОКР в 2009 г. Экспертиза научных отчетов показала, что научной ценности они не представляют [7] их содержание неактуально и не соответствует целям НИОКР. А при проверке отчетов через систему «Антиплагиат» выяснилось, что от 5 до 58% текста составляют цитаты и выдержки из российского законодательства.

Еще одна подпроблема «автоназии инноваций» – отсутствие запатентованных результатов НИОКР. В 2009 г. было заключено 1586 госконтрактов на 6,2 млрд. руб., их результатом стали лишь два программных обеспечения стоимостью 30 млн. руб., способных к правовой защите, но и они оказались не зарегистрированы в Роспатенте. Директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики Андрей Яковлев утверждает: следствием такой системы становится коррупция, когда заказчик готов закрыть глаза на содержание текста за откат.

Государство заинтересовано в развитии и защите СПО, так как более высокая эффективность по сравнению с проприетарным софтом заложена в самой природе СПО. Но требуется некоторый баланс в поддержке государством этих видов ПО. ***Каким он должен быть, пока неясно.*** В Плане [8] предусмотрено формирование **пакета базового** СПО для

решения типовых задач деятельности федеральных органов исполнительной власти с учетом потребностей федеральных органов исполнительной власти в видах программного обеспечения и создание единого репозитория СПО, используемого в федеральных органах исполнительной власти. С необходимыми затратами определятся в конце 2011 года.

Существует возможность в рамках электронного правительства (G2B) влиять на развитие открытого СПО. При создании подсистем G2B следует учитывать, что важными предпосылками активности в секторе открытого СПО являются такие интенсивно формируемые в российском информационном обществе социально-культурные факторы, как: социальный капитал, эмоциональная удовлетворенность как рациональных, так и «нерациональных» заявителей услуг и потребителей информации, участие граждан и др.

На практике увеличение объёма СПО в сфере государственных образовательных услуг влечёт за собой увеличение объема соответствующего проприетарного программного обеспечения, и наоборот. Известно множество случаев, когда юридические или физические лица, собирающиеся ориентироваться на СПО на рынке образовательных услуг, становятся нерентабельными вследствие дороговизны соответствующего проприетарного программного обеспечения, и наоборот.

Прямая финансовая поддержка государством производства СПО вызывает вопросы, потому, что:

во-первых, лоббирование и логроллинг, сопровождающие процессы господдержки в нашей стране, слишком затратны, коррупциогенны и часто несут неожиданные отрицательные социально-политические результаты;

во-вторых, государственные чиновники, отвечающие за развитие образования, иногда не знают, какие из продуктов принесут наибольшую социальную выгоду из расчёта на каждый вложенный рубль.

Организация широкого участия граждан в разработке СПО, требует серьезных изменений в политическом дискурсе по теме модернизации и инновационного развития России. Как мы отметили выше, уже недостаточно ограничиться рассмотрением только критериев рациональности, эффективности и бюрократизации государственного управления. Требуется выработать общественное согласие по системе критериев оценки качества, выявить отрицательное влияние на технико-технологические и продуктовые инновации в этой сфере таких факторов, как плохо формализуемая «удовлетворенность нерационального» потребителя, устранить существующие противоречия в обеспечении экономической неэффективности, ликвидировать возрастающую бюрократичность элементов электронного управления сферой социальных услуг с участием граждан [10].

Список литературы:

1. Белкин С.В., Котова Е.С. Оценка мирового уровня управления инновациями и инновационной деятельностью. В Сб. материалов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного менеджмента», Новосибирск: Сибирская ассоциация Консультантов – 2010, С. 62 – 70.

2. См.: Постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. №478 «О единой системе информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» (в ред. Постановления Правительства РФ от 16.06.2010 №445). Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2009 г. №

1993-р «Перечень государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти субъектов РФ в электронном виде» (с внесенными изменениями Распоряжением Правительства России от 7 сентября 2010 г. № 1506-р). Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2010 № 1433-р об утверждении «Плана мероприятий, необходимых для реализации ФЗ от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия». Стандарт «Требования к структуре, содержанию, оформлению и порядку разработки стандартов государственной (муниципальной) услуги, предоставляемой в электронном виде». Применение стандарта является добровольным (www.egov-std.ru).

3. Рейман Л. На пути к цифровому дому. – М.: ЭконИнформ, 2009. – 272 с.

4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

5. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / Пер. с англ. М.: Логос, 2002.

6. Аналитика – Капитал. Том IX Аналитика социально-политических процессов: привлечение граждан к системе принятия решений губернатором. Серия «Антологические исследования системных проектов – 2003 г.» – М.: ВИНИТИ РАН – ИПКИР Минпромнауки России – Академия Аналитики и Информатики (под редакцией Белкина С.В.), 2003. – 300 с.

7. А. Чечель, М. Товкайло. Эффективность госрасходов на НИОКР практически равна нулю. Ведомости 17.01.2011.

8. План реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации до 2011 года, утвержденного решением Совета по развитию информационного общества от 13 февраля 2010 г. № Пр-357.

9. План перехода федеральных органов исполнительной власти и федеральных бюджетных учреждений на использование свободного программного обеспечения на 2011 – 2015 годы, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 2299-р

10. Белкин С.В. Аналитическое обеспечение создания многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг. НТИ Сер.1 Организация и методика информационной работы, 2009, №4 С. 17 – 26